

РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

І Ю Л Ъ.

МОСКВА.

Типо-лит. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о,
Пименовская улица, соб. домъ.

1892.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Іюль.

1892 года.

Содержаніе. I. Книги: Беллетристика.—Философія и психологія.—Публицистика.—Исторія и біографіи.—Этнографія и путешествія.—Политическая экономія и статистика.—Юридическія книги.—Техническія книги.—Сельское хозяйство.—Учебники.—Справочныя книги. II. Периодическія изданія: „Историческое Обзорніе“, т. IV.—„Русскій Архивъ“, январь—іюнь. III. Списки книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 15 іюня по 15 іюля 1892 г.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Собраніе сочиненій В. Крестовскаго (псевдонимъ).—Символы (пѣсни и поэмы). Д. Мерещковскаго.—„Разказы, очерки и наброски“. Н. Стасюкова.—„Мимочка“. В. Мухоморова.—„Гроза гимназіи“. С. Лыбровича.—„Иллюстрированный альбомъ къ роману „Евгеній Овѣгнъ“. А. С. Пушкина“. П. П. Соколова.

Собраніе сочиненій В. Крестовскаго (псевдонимъ). Съ портретомъ автора. Спб., 1892 г. Изданіе А. С. Суворина. Цѣна по подпискѣ за пять томовъ 12 руб., за пересылку 3 руб. О В. Крестовскомъ (псевдонимъ), т.-е. о Надеждѣ Дмитріевнѣ Заіончковской, урожденной Хвоцинской, были напечатаны въ *Русской Мысли* обстоятельныя статьи, въ которыхъ дана характеристика ея литературной дѣятельности и опредѣленно высказано, какое подобаешь отвести мѣсто этой писательницѣ въ нашей литературѣ. А потому мы считаемъ лишнимъ еще разъ возвращаться къ оцѣнкѣ таланта и произведеній г-жи Хвоцинской-Заіончковской, выходящихъ теперь въ видѣ отдѣльнаго изданія. Четыре тома имѣются уже въ продажѣ, пятый томъ еще не разосланъ подписавшимся на все изданіе. Книги эти отпечатаны въ такомъ же форматѣ и также въ два столбца, какъ изданы *Сочиненія Гамба Успенскаго*, съ статьей Н. Михайловскаго (въ 3 томахъ). Существенная разница между тѣмъ и другимъ состоитъ въ томъ, во-первыхъ, что къ *Сочиненіямъ Гл. И. Успенскаго* приложена статья Н. К. Михайловскаго, а къ *Сочиненіямъ Хвоцинской*—статья ея родной сестры, автора никому неизвѣстнаго, и, во-вторыхъ, въ томъ, что первое изданіе стоить 4 р. 80 ф., а второе, по объему въ полтора раза больше, предлагается, „по подпискѣ“, за 12 руб., съ предупрежденіемъ, что „по выходѣ послѣдняго тома цѣна будетъ увеличена“. Такія компактныя изданія только тѣмъ и хороши, что они дешевы, и хороши, слѣдовательно, лишь тогда, когда они дешевы и доступны для большинства читающаго общества, каковое большинство не располагаетъ большими деньгами на покупку книгъ. Изданіе *Сочиненій В. Крестовскаго (псевдо-*

нимъ) мы находимъ очень дорогимъ и на этомъ основаніи не можемъ назвать его хорошимъ и удовлетворяющимъ насущную потребность большинства. Что же касается приложенной къ этому изданію статьи сестры покойной Н. Д. Хвоцинской-Заіончковской, то это произведение мы считаемъ совсѣмъ неудовлетворительнымъ и, по нѣкоторымъ его подробностямъ, совершенно лишнимъ въ посмертномъ изданіи сочиненій симпатичной и уважаемой писательницы. Авторъ этой статьи счелъ себя вынужденнымъ, — какъ самъ онъ говоритъ не разъ, — „нарушить слово, данное покойной сестрѣ—ничего не говорить о ней послѣ ея смерти“, и наговорилъ довольно много на томъ основаніи, что въ нѣкоторыхъ статьяхъ о Хвоцинской-Заіончковской сестра покойной усмотрѣла неточности. Исправить неточности въ свѣдѣніяхъ объ умершемъ писателѣ весьма полезно, но исправленіе исправленію рознь: можно и должно восстанавливать истину и при этомъ никакъ уже не должно поддаваться полемическому задору, хотя бы изъ уваженія къ памяти сошедшаго въ могилу близкаго человѣка. Увлечшись же полемикой, все-таки, неудобно (по меньшей мѣрѣ) задѣвать живыхъ лицъ и сводить съ ними въ литературномъ произведеніи совсѣмъ не литературные счеты, какъ за покойниковъ, такъ и за себя лично. Такіе счеты сестра Хвоцинской-Заіончковской весьма рѣзко сводить въ своемъ писаніи съ г-жею М., у которой покойная писательница дожила свои послѣдніе дни въ Петербургѣ и на дачѣ, гдѣ и скончалась. Приводимъ послѣднія слова указанной статьи: „Если г-жа М. забыла, что я говорила ей въ ноябрѣ 1888 года, когда она, неизвѣстно зачѣмъ, приѣзжала на сутки въ Рязань, то я ей напоминаю: „Овладевъ (?) моею сестрой, вы взяли на себя слишкомъ большую отвѣтственность, за которую отвѣтите не мнѣ одной. Я же никогда не прошу вамъ всего зла, которое вы внесли въ нашу жизнь. Придетъ время, и васъ узнаютъ. Время сказать правду настало“. Настало ли время для того, чтобы „узнали“ какую-то г-жу М., мы не знаемъ, да намъ и дѣла нѣтъ до этого, но, думаемъ, всякій согласится съ тѣмъ, что крайне неудачно выбрано мѣсто для укоризны г-жѣ М. за то, что она „овладела“ Н. Д. Заіончковской, точно вещь, и весьма неудобно укорять и обличать особу, которую должны „узнать“, яко злодѣйку, и при этомъ не назвать обличаемую полнымъ именемъ. Привлекая г-жу М. къ „отвѣтственности за отвѣтственность“, сестра Н. Д. Заіончковской укоряетъ эту неизвѣстную даму въ томъ, что она помѣстила больную писательницу на дрянную дачу и въ плохую комнату, что не возвратила какой-то книги, что завладѣла какою-то тетрадью, отговорившись тѣмъ, будто потеряла ее, что не произведено описи имущества, оставшагося послѣ покойной, изъ котораго „я бы взяла себѣ, по праву, все, чѣмъ безнаказанно завладѣла г-жа М.“, — объясняетъ авторъ, законная наслѣдница Заіончковской... Со всѣмъ этимъ можно обращаться въ подлежащее судебное мѣсто, а никакъ не включать этихъ неблагоприятностей въ біографіи литературныхъ дѣятелей.

Больше касательства къ литературному дѣлу имѣетъ неудовольствіе сестры Н. Д. Заіончковской на нашего сотрудника, автора статьи о покойной писательницѣ, — неудовольствіе за напечатаніе ея писемъ къ мужу, выраженное въ слѣдующихъ словахъ: „Онъ напечаталъ ихъ, забывъ еще разъ, что есть еще живой человѣкъ, близкій Н. Д. (т.-е. сама пишущая это), для котораго не легко оглашеніе ея сердечныхъ мукъ, которыя она таила отъ всѣхъ“... „Если литераторъ дѣлается послѣ смерти своей *достояніемъ общества и говоритъ о немъ запретить*

никто не имѣетъ права (особ. шрифтъ въ подлинникѣ), все-таки, я думаю, что онъ имѣетъ право унести съ собою въ могилу то, что лично касалось его, какъ человѣка. Уважая память моей сестры и зная, какъ она была всегда противъ всякой посмертной гласности, я по необходимости пишу только то, что она сама дозволила бы мнѣ. Завѣщая всѣмъ своимъ близкимъ и знакомымъ не выдавать ея переписки и ничего не говорить о ней, она очень хорошо знала, какъ невыгодно для нея могутъ всѣмъ этимъ воспользоваться". Ни редакция *Русской Мысли*, ни сотрудничавъ ея о такомъ завѣщаніи Заіончовской не знали и опубликовали то, что считали нужнымъ для характеристики ея литературной дѣятельности въ извѣстный періодъ, омраченный „сердечными муками, которыя она таила отъ всѣхъ“ при жизни. Что же касается вопроса о томъ, какъ это понравится родственницамъ писательницы, то до этого биографамъ и критикѣ нѣтъ никакого дѣла. А вотъ сестра покойной, зная о ея завѣщаніи, предаетъ гласности такія подробности, оглашать которыя, навѣрное, никому не дозволила бы всѣмъ уважаемая писательница, и поступила бы прекрасно, такъ какъ къ литературной ея дѣятельности эти дразня не имѣютъ ни малѣйшаго отношенія. Въ жизни общественнаго дѣятеля на какомъ-либо поприщѣ, кромѣ литературнаго, не представляется особенныхъ затрудненій выдѣлать то, что можетъ составить „общественное достояніе“ и подлежить опубликованію, обсужденію, критикѣ, безъ вторженія биографовъ въ частную и семейную жизнь лица. Весьма мудро сдѣлать такое точное разграниченіе въ биографіи писателя и художника, на общественную дѣятельность которыхъ, несомнѣнно, имѣютъ вліяніе—и иногда очень большое—дѣла личныя и семейныя, ибо ими обуславливается настроеніе художника, нерѣдко самое настроеніе его творчества, развитіе таланта или же упадокъ дарованія. Для вѣрной характеристики писателя, для правильной оцѣнки его силъ часто необходимымъ можетъ оказаться затронуть такія интимныя подробности его жизни, которыя самъ писатель „таилъ отъ всѣхъ“ при жизни... А за тѣмъ, по смерти его, никому, кромѣ законныхъ наследниковъ, нѣтъ дѣла до того, была ли произведена опись оставшемуся имуществу и кто имъ воспользовался. Къ литературной характеристикѣ Н. Д. Хвощинской-Заіончовской статья ея сестры не прибавила ни одной существенной черты, за исключеніемъ развѣ того, что родители ея и вся семья относились одобрительно къ ея занятіямъ литературой и поощряли ея первые шаги на этомъ пути. Такую неточность въ свѣдѣніяхъ о покойной писательницѣ исправить надлежало, а очень многого написаннаго ея сестрой опубликовывать не слѣдовало изъ уваженія къ памяти симпатичной и талантливой романистки.

Символы (пѣсни и поэмы). Д. Меренковскаго. Спб., 1892 г. Изданіе А. С. Суворина. Цѣна 1 руб. 50 коп. Названіемъ *Символы* нисколько не опредѣляется содержаніе книжки стихотвореній г. Меренковскаго. Нивагихъ *Символовъ* мы въ ней не нашли. Повѣсти: *Смерть*, *Францискъ Ассизскій*, *Вѣра* и проч. написаны гладкими стихами и прочитываются не безъ удовольствія любителями стиховъ и всяческихъ, болѣе или менѣе лирическихъ, отступленій, которыя обуславливаются этою формою повѣствованія. Съ переложеніемъ въ прозу или въ передачѣ своими словами содержаніе этихъ повѣстей сводится къ довольно ничтожнымъ событіямъ, равно какъ и *Конецъ тка*—въ стихахъ вложенныя впечатлѣнія и мысли, навѣяныя на автора его пребываніемъ въ Парижѣ. Большая часть стихотвореній, озагла-